

К ЧИТАТЕЛЮ

Вниманию читателей предлагаю роман «Вкус запретного плода» — первую книгу трилогии «Покаяние над пропастью». Это произведение о любви, о поисках смысла жизни, потерях и обретениях нашего современника, художника, предпринимателя, бывшего воина-афганца Салавата Байгазина в эпоху до сих пор продолжающихся великих перемен, когда давно уже потеряны коммунистические идеалы, а новые (кроме идеологии богатства) так и не созданы. А в воздухе витает запах греха, богатства и бедности... Тем более незаметно подкрался кризис

среднего возраста, и Салават страстно полюбил молодую девушку Зульфью. И искушения те же, как и тысячелетия назад: искушение хлебом насущным, искушение чудом и искушение властью... А жена его Лилия в непримиримой борьбе против молодой любовницы мужа под влиянием ворожеи, к которой обратилась за помощью, сама превращается в шаманку с бубном. Кем она стала? Ведьмой или целительницей? И вообще, кем являются на самом деле все эти экстрасенсы, колдуны, ясновидящие и прочие маги, которые заполнили весь мир и к которым ходят миллионы людей? В чем их истинная роль? Человек разумный сделает выводы сам.

Флюр Галимов

ПОКАЯНИЕ НАД ПРОПАСТЬЮ

Рисунок Марины Медведевой

ТРИЛОГИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВКУС ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА

Мир спасет любовь.

Иисус Христос

Лишь Всевышнего вправе я страшиться.

Автор

ПРОЛОГ

Может ли мужчина допустить, чтобы его семья жила в нищете? Художник Салават Байгазин — потомок Салавата Юлаева, соратника Емельяна Пугачева, дал на этот вопрос отрицательный ответ и в лихие девяностые надел комут предпринимателя.

О Салавате Юлаеве... Ближе к разгрому пугачевского восстания жен и детей великого батыра арестовали. Испугавшись, что род Салавата может оборваться, старейшины решились на *тулалу* — обряд получения от батыра потомства. Выбрав из племен самую прекрасную девушку по имени Тансылу и прочитав никах¹, ее выдали за батыра. Дабы продолжался род Салавата и рождались новые герои.

Разумеется, свершившийся тулалу хранили в большой тайне. Тансылу жила в дальней летовке. В августе 1775 года она родила мальчика. Вскоре старейшины придумали легенду: якобы люльку с младенцем, висющую на разлапистой ветке дерева, Тансылу нашла случайно и принесла в аул... В знак того, что ребенок дан им Аллахом, малыша нарекли именем Аллабирды. Желая подчеркнуть, что дитя — большой дар племени от Создателя, его записали на фамилию Надиров.

Прошли годы. Аллабирды превратился в статного, храброго и умного джигита, женился. В военных походах он дослужился до звания есаула. Семеро его сыновей от двух жен тоже стали казачьими офицерами. Самое главное — он продолжил род Салават-батыра.

Сыновья, внуки и правнуки Аллабирды также не запятали светлое имя батыра, участвуя во всех выпавших на их поколение войнах и возвращаясь с орденами-медалями в форме крестов.

За отваги, проявленные в Великой Отечественной войне, трижды удостоился ордена Славы Аллабирдин Минлибай.

Салават Байгазин — потомок Салават-батыра по материнской линии. И ему пришлось повоевать. Он вернулся из Афганистана после тяжелого ранения с орденом Красной Звезды на груди.

Однако Байгазину пока еще неизвестно, что он из рода Салавата Юлаева...

Потомки Аллабирды передавали из поколения в поколение знание о принадлежности их рода к избранному джигиту как свято оберегаемую тайну. Но случилось непредвиденное: один из достойных представителей рода, обязанный сообщить сокровенное знание следующему, внезапно скончался, оставив аманат неисполненным...

Увы, Салават Байгазин не успел пока полностью созреть как художник... А ведь в годы учебы на факультете художественной графики университета, куда он поступил вскоре после Афгана, преподаватели возлагали на него серьезные надежды, предрекали судьбу большого художника. И в самом деле, Салават отлично начал творческий путь: много писал, организовал несколько персональных выставок, был принят в Союз художников. Но на его пути становления в качестве истинного художника возникла неожиданная преграда: верхом на огромном золотом быке, пышущем из ноздрей клубами алого огня и поднимающем из-под копыт тучи желтой, удушливой пыли, в страну ураганом ворвался его величество дикий капитализм и с громопо-

¹ Мусульманский обряд бракосочетания.

добным грохотом перевернул вверх дном устоявшийся уклад жизни.

Вот тогда Байгазин и надел хомут предпринимателя, забросив мольберт и краски, ринулся вслед за стремглав пронесшимся золотым тельцом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Богатство — понятие относительное. У каждого народа собственное мерило в отношении мамы. Если же взвешивать нашим безменом¹, Салават Байгазин входит в число людей богатых, на худой конец, состоятельных: имеет элитную квартиру, дачу, два небольших магазина и японскую машину. Как бы то ни было, имущество Салавата с каждым годом увеличивается. Он достаточно вписался в коммерческую стезю, на которую ступил несколько лет назад.

Немало перед предпринимателем препятствий, хватает и заманчивых ловушек. Пожалуй, самые опасные из них — женщины и спиртное. Как правило, эти две беды ходят рука об руку. Ведь, кроме умения защищать деньги, нужно еще уметь ими правильно распорядиться...

Манящий звон монет в кармане бизнесмена непостижимым образом тотчас становится слышен представительницам прекрасного пола. И на дельца начинается охота: соблазнительницы строят глазки, напропалу кокетничают. Редко кто может отказаться от красотики, падающей прямо в объятия.

Вот и Салават не смог увернуться от таких обольстительниц, слишком увлекся ими. Вначале, потеряв голову от прелестниц, перелетал с одного цветка на другой, словно ошалевший шмель. А потом встретил такую красавицу! И просто растаял в жарких объятиях.

Зульфия моложе на двадцать лет. А Салавату — тридцать девять. Верно говорят, для полноты ума всего одной извилины в мозгу не хватает...

Байгазин как бы в шутку пригласил ее на свидание, а она возьми да согласись! И вправду хороша Зульфия: изогнутые брови, будто крылья черной лебеди, взлетающей с темного омута ее больших глаз. Длинные ресницы, точеный нос, пухлые сочные губы и большая грудь, вздымающаяся при каждом вдохе. Тридцатидевятилетняя головешка Салавата окончательно вскружилась. Да и как ей не вскружиться от столь страстной кипчакской девушки. Понеслась романтика, восхождения рука об руку на вершину Девичьей горы, Торатау и Юрактау... После почти ежедневных встреч с Зульфией он уподобился опьяневшему от любовного напитка

Меджнуну², становился все безрассуднее, пока вконец не потерял голову.

Все же порой он вспоминает жену, и сердце внезапно холодеет. Чувство огромной вины перед ней гложет душу Салавата, как ненасытная рысь. Шила в мешке не утаишь — если вдруг все раскроется, переживет ли горе от его измены супруга? А что скажут дети: — сын и две дочери?

* * * Но сегодня Салават чувствует себя самым счастливым человеком, взмывшим душой на седьмое небо. Он стоит на вершине Торатау, обнявшись с любимой.

— Видишь, моя Зульфия, мы сейчас на такой высоте! Отсюда все вокруг видно, как на ладони. Хочешь, во-о-он ту гору перенесу на другое место и назову твоим именем?!

Зульфия счастливо улыбается, а Салават расплывается еще сильнее:

— Хочешь, завоюю все, что взглядом окину, и положу к твоим ногам?!

— Мне нужен только ты... — Девушка теснее прижимается к нему.

— Я тебя так люблю!

— Я тоже. Никого не любила так...

— Зульфия, если Лилия согласится, возьму тебя второй женой.

— Согласится твоя старая карга, как же, жди... — обрывает Салавата Зульфия, поморщившись. — Айда спустимся, мне здесь нехорошо, холодно...

— Холодно? Разве мои объятия не греют тебя?

— Греют. Но лучше пойдем вниз!

— На этой священной горе так хорошо! Видишь, как красиво лучи играют в воздухе?

— Нет. — Зульфия внимательно оглядывается вокруг. — Давай же спустимся.

* * *

Выезды на природу, кутежи в кафе и ресторанах продолжались. Салават ощущал в себе неисчерпаемые силы, небывалый душевный подъем. Зульфия, казалось, вернула его в прекрасную страну молодости. Напрочь исчезла щемящая душу грусть, мучившая в последние годы от осознания прошедшей молодости. Теперь, наоборот, с лица его не сходила глуповатая, но счастливая улыбка. Он ведь еще ого-го! Всего-то тридцать девять. Что эти года для мужчины?! Сердцем-то он молод! Салават становился взбалмошнее день ото дня, объятый пламенем, как думал, последней любви. Неистов-

¹ Безмен (от тюрк. batman — старинная мера веса) — простейшие рычажные весы.

² Меджун и Лейла — герои популярнейшей на Востоке легенды о возлюбленных.

ствовал от ощущения счастья. Вернее, тщетно пытался хоть на время удержать тень, фантом молодости, уже ушедшей за горизонт...

* * *

Конечно, жена Салавата Лилия быстро смекнула, в чем дело. По этой причине в доме часто вспыхивали скандалы. Вот и сегодня, долго постояв, всматриваясь в мужа, учинила допрос:

— Скажи правду, ведь гуляешь?

— Не говори ерунды...

Жена похлеще следователя-чекиста уперлась в супругу тяжелым взглядом:

— Меня не обманешь! Лучше сам признайся: с кем таскаешься? Все равно я ее скоро отыщу!

— Ни с кем я не гуляю! — Салават упрямо стоял на своем, будто партизан, попавший в когти врагов.

Жена смотрела на него не мигая, словно удав, помышляющий проглотить зачарованную взглядом жертву.

— Говори правду, с кем распутничаешь? — Глаза Лилии злобно заблестели.

Знает, что ее взгляд имеет силу. Рассказывали, стоило ей в юности восхититься маленьким теленком со

словами: «Какой красивый!», как бедное животное тут же могло слечь и испустить дух. Салават почувствовал себя неудобно, но виду не подавал:

— Не морочь голову! Когда мне с бабами возиться, день и ночь по работе мотаюсь! — И вправду, хоть он и пребывал в любовном угаре, но о делах не забывал.

Жена начала горячиться: ее ресницы и толстые губы задрожали, очень смуглое лицо болезненно исказилось. Резким движением открыв шкаф, лихорадочно ощупала одежду мужа, вывернула карманы, даже принюхалась. Наконец, откуда-то вытянула волосок и пронзительно взвизгнула:

— Ага, волос любовницы! Бесстыжий! Наглец! Племенной бык! Продажная шкура! Уходи к своей потаскушке! Насовсем уходи!

Довольно красивая, Лилия в эти минуты стала просто отвратительной: лицо страшно перекосилось, рот скривился, злобно сверкающие глаза едва не выкатывались из орбит. По привычке направила она на мужа указательный палец правой руки, будто дуло пистолета, и от всей души вклепила в него ядовитые слова-пули:

— Племенной бык! Предатель! Сволочь! — Вдруг она вытащила из-под воротника пиджака какую-то иглоку. — Видишь, любовница тебя околдовала! Сделала приворот! Потому и нейметя тебе, как быку племен-

ному! Думаешь, любовь? Не-а, это всего лишь приворот... Говори правду, с кем?!

— Да ни с кем я не гуляю, прекрати истерику! — Салават попытался приструнить жену. — Угомонись! Как говорится, начнет корова брыкаться — пострашней коня становится.

Лилия стремительно побежала на кухню и принялась крушить посуду. Тарелки и чашки со звоном разбивались об пол, несколько штук пролетели прямо над головой мужа. Да, вспыльчивая досталась жена... Видно, небесной канцелярией отписаны ему именно такие женщины. И по знаку зодиака всегда попадались одни хищницы: то лев, то змея, то дракон, то скорпион... А ведь сам он всю жизнь искал нежно воркующую голубку.

— Бык племенной! Развратник! Проститут!

Скандал длился довольно долго. И терпение Салавата лопнуло: он достал из холодильника водку, налил стакан до краев и залпом выпил. Жена прикусила язык. Махом допив остаток бутылки, вызвал водителя.

Когда сел в машину, шофер задал короткий вопрос:

— Куда везти?

— К Зульфие, а потом — в ресторан!

Целая бутылка водки, только что опустошенная в одиночку, нисколько не ударила в голову.

Зульфия не заставила ждать, бабочкой выпорхнула на зов. На ней — подаренные Салаватом украшения и дорогое вечернее платье, лицо светилось радостной улыбкой.

— Я чувствовала, что приедешь, ждала тебя!

Поехали в ресторан.

Зал был почти полон по причине профессионального праздника — дня работников торговли. Салават заказал хороший коньяк, вино для Зульфии, антрекоты, салат и минералку.

— Почему без настроения, опять твоя пристаёт? — нарушила тишину Зульфия, когда официантка отошла, поставив на стол напитки в графинах и еду.

При слове «твоя» перед глазами Салавата предстало перекошенное от злобы лицо жены, заставив на мгновение помрачнеть. Не ответив, он поднял рюмку:

— За нашу любовь!

Тост пришелся Зульфие по душе:

— За нашу любовь — до дна!

Выпив еще по несколько рюмок, они начали танцевать под медленную мелодию. Зульфия тесно прижалась к нему и, обдавая жарким дыханием, страстно зашептала:

— Я люблю тебя! Ты для меня — самый близкий человек! Я не могу без тебя! И не хочу. Любимый мой... Скорей бы нам быть вместе. Всегда!

— Я тоже тебя люблю, только помни: у меня трое детей. Я их никогда не брошу. Поступлю по мусульман-

ским канонам: даст Лилия согласие — возьму тебя второй женой...

— Опять ты о ней! — Красивое лицо Зульфии погрузнело. Но она быстро овладела собой и снова заворковала: — Дорогой мой, никого я не любила до тебя. Как же я счастлива с тобой...

Наконец выпитое ударило в голову. Еще после двух-трех рюмок тиски стресса разжались, и Салават почувствовал себя совершенно счастливым. В объятиях — самая красивая и любимая! Что еще нужно мужчине в расцвете сил? Пишут, мол, в Узбекистане, Таджикистане уже приняты законы о многоженстве, глядишь, и до нас дойдет эта лафа. Настанет долгожданное время, когда он сможет вволю жить-поживать с обеими женами. Предки, вон, не только с двумя, даже с тремя-четырьмя благоверными жили не тужили. А супруги даже не помышляли о скандалах. Лилия тоже никуда не денется, потихоньку привыкнет, смирится...

Салават с купеческим жестом бросил музыкантам щедрые чаевые и заказал «Цыганочку». Торговцы — народ дружный. С первыми звуками задорной мелодии разгоряченные от выпитого люди пустились в пляс. Честно говоря, мало кто отжаривал мастерски — каждый кривлялся как умел. Зато — от всей души. Салават не отставал от других, ему сегодня — море по колено. Некоторые, особенно женщины, с уважением и интересом посматривали на него. Дескать, видели, кто заказал веселую музыку... Зульфие по душе такое внимание, она в запале кружится вокруг Салавата. Похоже, под влиянием танца хмель еще сильнее ударил в голову... Как говорил Киса Воробьянинов, душа требует продолжения праздника!

После того как разудалая «Цыганочка» смолкла, он решил не выпускать вожжи из рук. Пошатываясь, подошел к микрофону и объявил:

— Уважаемые дамы и господа! Перед вами — моя любимая младшая жена Зульфия. Вот она! — обнял он Зульфию.

Разгоряченная публика, которой в зале довольно прибавилось, дружно захопала. Одна женщина, не сдержавшись, задала вопрос:

— Говорите, младшая жена? Значит, есть и старшая?

— Да, у меня есть и старшая жена!

Люди зашумели. А Салават продолжил:

— Уважаемая публика! Позвольте в честь моей младшей жены, дорогой Зульфии, исполнить песню!

Охранник попытался урезонить Салавата, но зрители тут же осадили:

— Не мешай! Пусть поет!

С любовью глядя в черные как ночь глаза Зульфии, Салават затянул:

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!

Как люблю я вас, как боюсь я вас,
Знать увидел вас, я в недобрый час...

Взявшись за руки с Зульфией, он с чувством допел и обнял ее. Празднующие дружно зааплодировали:

— На бис! На бис!

— Пой еще!

Салават не заставил себя долго уговаривать, затынул любимую:

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

Знаменитый романс публике пришелся по душе, многие вдохновенно подпевали. Салават вновь взял слово:

— Мою младшую жену зовут Зульфия! Посвящаю ей башкирскую песню «Зульфия». — Не дожидаясь одобрения слушателей, запел:

То любовью своей, то холодностью
Не терзай мне душу, Зульфия.
Коль обижусь, больше не приду,
Будешь сожалеть, Зульфия.
Зульфия, Зульфия,
Сердце любит лишь тебя...

Салават пел с огромным воодушевлением. Увидев отзывчивость слушателей, продолжил:

Увяли сорванные мной цветы...

Под рукоплескания и одобрительные возгласы наконец вернулись к столу. Зульфии понравилось всеобщее внимание, она довольно улыбалась.

Поздней ночью поехали на квартиру, снятую Салаватом для любимой. Он продолжал заливаться и в такси:

Зульфия, Зульфия,
Сердце любит лишь тебя...

* * *

Отношения с Зульфией не всегда бывали безоблачными. То ли из-за скверного нрава, то ли с расчетом она частенько нагнетала напряженность между ними. Вот и сегодня, во время так прекрасного начавшегося очередного свидания, вдруг обронила:

— Я у Карима денег одолжила...

Салават тут же вскинулся:

— Что еще за Карим? Почему берешь займы у чужого мужичья?!

— Срочно понадобились деньги...

— Как ты можешь просить денег у какого-то постороннего мужика? А меня за кого считаешь?!

Зульфия обидчиво надула губки:

— Он хороший парень, шакирд¹, учится на муллу. Шоколадку мне принес, обещал научить намазу...

Салават чуть не лопнул от злости:

— Ах, мулла! Я ему покажу! Сейчас же проучу как следует!

Салават почти бегом добрался до машины искомандовал шоферу:

— В медресе возле мечети!

Вызвав шакирда через водителя, он втолкнул его на заднее сиденье и грозно заорал:

— К моей жене пристаешь, чмо?!

Парень сразу сник под тяжелым, полным ненависти взглядом Салавата. Запинаясь, пытался оправдаться:

— Вы что, абзый?² Я и не думал приставать к Зульфие. Вы меня неправильно по-оняли...

— А зачем шоколадку дал?!

— А-а, просто так, абзый, ничего греховного не замышлял. Я т-только хотел ее... научить намазу...

Эти слова еще пуще взбесили Салавата, он схватил парня за ворот и стал с остервенением трясти:

— Я тебя научу намазу! Так проучу, век не забудешь! Слушай внимательно: Зульфия — моя младшая жена, и я тебе категорически запрещаю приближаться к ней, понял?

Молодой человек растерянно молчал.

— Подойдешь к Зульфие ближе чем на десять метров — ноги переломаяю!

В этот момент Салават выглядел настолько свирепым, что парень побагровел, затем побледнел и промычал что-то невнятное.

— Я же... вы... э-э...

— Десять метров! Уяснил?

— Все, абзый, я понял...

— Дуй отсюда! И не попадайся мне на глаза!

Парня как ветром сдуло.

Зульфие дикая выходка Салавата, как ни странно, понравилась. А он день ото дня становился все безудержнее. Приноровился каждый вечер, под предлогом прогулки, наведываться на квартиру к возлюбленной для проверки.

¹ Шакирд — студент медресе или аналогичного мусульманского учебного заведения.

² Уважительное обращение к старшему мужчине.

Однажды почувял — Зульфия что-то замышляет. Решил: поздней ночью обязательно проконтролирует...

Да разве стерпит влюбленное сердце? Не дождавшись ночи, взял из набора большой нож, задумчиво повертел в руках и повесил на место. Замешкался, выбирая. Вскоре вышел из дома с огромной отверткой во внутреннем кармане пальто. Сел в машину. Водитель — надежный парень, прошедший Чечню, всем видом выказывал неодобрение действий начальника. Он почувствовал неладное, но молча погнал автомобиль.

Доехали с ветерком. Салават вошел в подъезд, поднялся на четвертый этаж... Зульфия стояла на лестничной площадке с какой-то девушкой. Обе навеселе. Она тут же бросилась к возлюбленному и попыталась обнять.

— Хитришь? Пытаешься в квартиру не пустить? Уйди! — Грубо оттолкнув любимую, с разъяренным видом влетел в квартиру.

А там — два парня лет двадцати пяти. Не помня себя от ярости, Салават заорал:

— Зарежу, сволочи! — Вытащил из кармана отвертку и замахнулся на соперников. — Кто из вас с Зульфией, признавайтесь!

Парни оказались пугливыми, как зайцы. Вскочили с дивана и, ловко увернувшись от Салавата, ринулись к двери. Он успел пнуть одного под зад, но попал слабо. Ничего, подумал он, шофер — джигит не промах, поймает негодяев, он как раз там, внизу. Салават распахнул дверь и заорал на весь подъезд:

— Держи чмошников! Хватай! Не пускай!

Но водитель и не подумал следовать указанию начальника. Он молча посторонился, пропустил парней... А сам испытующе поглядел на Байгазина. Да, Салават в последнее время не только не замечал странностей своего поведения, но и не ведал, что творит...

Салават не стал возвращаться домой. Зульфия подавала ему восхитительную ночь. В эту волшебную ночь любви, впервые испытав всю полноту страсти кипчацкой девушки, он потрясенно прошептал:

— Зульфия, как ты можешь так услаждать меня?!

— Губы мои, все тело будто сами все знают... Просто я очень сильно люблю тебя и никому не отдам. Рано или поздно, будешь только моим... — Ласковые руки Зульфии продолжали поглаживать Салавата нежнейшими прикосновениями, горячие губы беспрестанно осыпали сладчайшими поцелуями.

Увы, коротка девичья память: той прекрасной ночью они не могли насытиться друг другом, а на следующее свидание Зульфия не пришла. Опаленный огнем страсти, Салават искал ее по всему городу: побывал в квартире, осмотрел парки, другие места. Почти выва-

ливаясь из окна машины, всматривался в прохожих девушек, и в каждой ему мерещилась Зульфия.

— Вот она! Зульфия! Подъезжай поближе! — командовал он шоферу, а остановившись подле изумленной девушки, бормотал: — Не она...

Через несколько минут снова вопит:

— Нашел! Зульфия! — И опять ошибался. Шофер удивленно посматривал на шефа.

Снова поехали на ее квартиру. Скорее всего, она уже дома. Но Зульфии не было. Салават, словно завороченный, нетвердой походкой подошел к шкафу, достал сорочку, бюстгалтер ненаглядной, прижал к лицу и с наслаждением стал вдыхать запах возлюбленной. Ни с чем не сравнимый и сладчайший аромат любимой он различил бы из тысяч... Перед глазами так явственно встала Зульфия, что голова закружилась. В это мгновение он напоминал Меджнуна, прижавшего к груди Лейлу...

А со следующего утра Зульфия сама начала преследовать Салавата: беспрерывно звонила по телефону. Всерьез оскорбившись за вчерашнее, он разговаривал с ней нарочито неохотно, даже грубо. Сославшись на занятость, раз за разом бросал трубку. Зульфия звонила вновь и требовала немедленной встречи. Салават опять швырял трубку. Зульфия не отступала:

— Дорогой мой, пожалуйста, дослушай! Я же люблю тебя! А вчера просто не могла с тобой встретиться, прости, причину объясню позже. Я так по тебе соскучилась! Приезжай обедать, жду тебя...

После некоторой паузы Салават проговорил:

— Посмотрим, если будет время...

— Я буду ждать тебя! — умоляла его Зульфия.

Салават промолчал. Положив трубку, крепко задумался. Кто может понять этих женщин? И родился ли еще на свет мужчина, способный разгадать их тайну? Хоть и сотворена из ребра Адамова праматерь Ева, женщины — совсем другие существа... Отчего же они вначале заставляют мужчин гореть в огне страсти, а потом окатывают ледяным холодом? Затем снова бросают в самое пекло... С ними сложно, но и без них невозможно.

И почему он любит женщин так безоглядно? Они очаровали Салавата еще сизмальства. Помнит как вчера: стоял погожий летний день. С матерью шли по деревенской улице. И вдруг со скрипом отворилась калитка небольшого домика и появилась девушка невиданной красоты. Семилетнему Салавату показалось, будто само солнце сошло с небес. Голубое платье облегло ее стройный стан, волосы цвета лепестков подсолнуха ниспадали на округлые плечи, губы застыли в полуулыбке, глаза синие-синие, словно безоблачное небо, лучились волшебным светом, озаряя душу

Салавата. Тогда он остолбенел, впервые увидев столь ослепительную красавицу, наверное, дочь джиннов, каким-то чудом пришедшую из бабушкиных сказок и воплотившуюся в образе земной женщины. Салават во все глаза восторженно смотрел на девушку и ждал: сейчас содрогнутся величественные скалы за рекой и рухнут к ее ногам...

И действительно, послышался оглушительный грохот. То взрывали высокую гору Шахтау, крошили камни для завода. Салават даже не вздрогнул от грохотанья. Взрывали каждый день, и все уже привыкли. Как зачарованный он не хотел и не мог отвести взгляд от прекрасной девушки. Мать насилу увела его, и они продолжили путь...

И Купидон, тот еще шалун, пронзил золотой стрелой сердце Салавата слишком рано: уже во втором классе полюбил Земфиру — девушку с волосами цвета лепестков подсолнуха. Написал записку с признанием, но не отдал, а, спрятав в коробочку из-под патефонных игл, зарыл в цветочный горшок.

В пятнадцать лет он всерьез начал ухаживать за Земфирой. Но счастье продлилось недолго — всего годик. Узрев, как он тоскует по светловолосой, мать попыталась объяснить, что нельзя любить девушек так сильно. Иначе они возгордятся и отвернутся от тебя. Увы, Салават не умел любить вполсилы. Если уж полюбил, то готов был вырвать собственное сердце из груди и отдать любимой.

Салават до сих пор бережно хранит в душе воспоминания о незабвенной первой любви. Изредка достает из укромного места и подолгу разглядывает дорогие сердцу реликвии: зеленую варежку Земфиры и ее пожелтевшие письма. А фотокарточек девушки с волосами цвета лепестков подсолнуха у него уже нет, их порвала жена.

Несмотря на вчерашнюю обиду, Салават как на крыльях помчался к любимой. Зульфия встретила его с распростертыми объятьями и жаркими поцелуями. Ласково усадив за стол, стала настойчиво потчевать:

— Кушай, любимый мой, кушай! — Она не сводила с него нежного взгляда.

— Спасибо, шурпа очень вкусная!

От похвалы Зульфия просто засияла:

— Правда? Ты не преувеличиваешь?

— Нет, конечно! И бишбармак — язык проглотишь!

— Для тебя старалась.

— Спасибо, моя малышка...

— Я всегда буду так... Всю жизнь бы тебя так кормила... — Зульфия с обожанием уставилась на него. — Милый, когда же мы будем вместе?

Не желая нарушить установившуюся меж ними идиллию, Салават не стал повторять привычный ответ

на этот вопрос, звучащий с ее уст с каждым днем все настойчивее.

— Ты не поела, попей хотя бы чаю, — ушел он от щепетильной темы.

— Нет, мне не хочется, — отказалась Зульфия.

А Салават привычно нырнул в водоворот мыслей.

Эх, жизнь... Сколько раз Салават, лаская шершавыми ладонями нежные щечки Зульфии, задавал себе тот же вопрос? Но он вовсе не собирается бросить жену. И дело не только в детях. Лилию он тоже любил. Когда поженились, Салавату было двадцать два, Лилии — всего двадцать. Он до сих пор скучает по той поре. Только вот полыхавшая вначале красным огнем взаимная любовь через пару лет приняла цвет спелой вишни, затем — тона алого рассвета, позже — оттенки бледно-розового фламинго, а в последние годы стала напоминать увядшую и почерневшую розу.

Отчего любовь между мужчиной и женщиной не остается навсегда яркой, как пламя, или хотя бы нежной, как розовая заря? Меркнут и тускнеют со временем краски любви. Не по этой ли причине некогда обожавшие друг друга супруги начинают поглядывать на сторону?

Жизнь без любви — медленное тление. А связь с Зульфией — прелюбодейание. Почему же Всевышний запретил безбрачную любовь так жестко, поставил в один ряд со смертными грехами и даже с убийством? Салават пока не может этого понять... Что же делать? Как избавиться от тяжкого греха? Может быть, им заключить никах? Для этого нужно согласие Лилии. Но она никогда не даст благословения. Провести обряд тайком? Тоже, говорят, непозволительно...

Совсем еще недавно, до встречи с Зульфией, Салават не слишком заморачивался по такому поводу. Выпадает случай — иногда пользовался возможностью. Ведь большинство мужчин привыкли относиться к подобным вещам проще, с точки зрения охотника. В любой мужской компании на трезвую голову говорят о политике, после двух-трех рюмок водочки — о рыбном улове и подстреленной дичи, а тяпнут еще — начинают напропалую хвастаться завоеванными женщинами.

Так уж сложилось: шалости мужчин на стороне воспринимались всегда обществом почти как удалство, а измены женщин считались низостью и позором. Но теперь как будто огненная колесница, запряженная двумя пристыжными кентаврами и коренником — черным козлом, с оглушительным грохотом во весь опор промчалась по сумрачному небу, и перевернулись с ног на голову и пали нравы людские.

Теперь уже женщины бахвалятся мужчинами, которых соблазнили.

Салават в молодости вовсе не был ловеласом. Хоть и с вожделением относился к женщинам, совесть его всегда держала в узде похоть. В юности любил он Земфиру чисто платонически. В первые годы после женитьбы сохранял верность жене. Как же он умудрился под сороковник пуститься во все тяжкие?

— О чем задумался, дорогой мой? — отвлекла Салавата от тяжелых мыслей ластящаяся возлюбленная.

Сегодня Зульфия снова подарила Салавату ласки, сводящие с ума. И вновь настал тот сладкий миг, когда их слившиеся в одно целое тела преодолели силу земного притяжения и воспарили ввысь.

После свидания с желанной Салават неохотно вернулся домой. Главу семьи никто не встретил. Прежде, когда он возвращался с работы, дочери, радостно щебеча, как птички, подбегали и бросались в объятия. Бесперывные скандалы родителей отдалили детей от отца. Недавно обе дочери, десяти и двенадцати лет, завяли:

— Папа, раньше мы больше любили не маму, а тебя. А сейчас мы тебя не любим, потому что ты путаешься с чужими женщинами.

Салават не знал, что и ответить. Слова девочек вонзились в сердце отравленной стрелой.

А пару дней назад семнадцатилетний сын Рустам сильно удивил его, вдруг выпалив:

— Пап, я все знаю. Не осуждаю, что ходишь на сторону. Я тебя понимаю... — Его лицо выражало полное согласие.

Удивляет его Рустам: совсем не ладит с матерью. Салават не может понять причину, да и не до этого ему в последнее время...

В прошлом году классный руководитель сына, оставив Салавата после родительского собрания, рассказала про неприятный случай. На классном часе рассуждали на тему отцов и детей. Рустам послушал-послушал, затем неожиданно встал и всех ошарашил: «А вот я ненавижу мать, а люблю только отца!»

За те слова сыну крепко досталось от отца. А Рустам лишь молча глядел на него исподлобья, изредка недобро ухмылялся и даже не думал оправдываться. Невоздержан он на язык, весь в маму. И горячностью похож на нее. Плохо относится к женщинам. Как-то вскользь обронил, мол, все они продажные...

Салават на кухне пил чай. Вдруг влетела Лилия и бросила на стол какие-то иголки.

— Полюбуйся, нашла у порога!

Муж удивленно уставился на нее.

— Не понял, что ты этим хочешь сказать?

— Конечно, не поймешь, где уж тебе... — Она резко повысила голос. — Не понимаешь, так разъяню:

околдовала нас твоя любовница! Нам четверым подбросила четыре иголки! Сделала на смерть!

— Нас же пятеро, — успел вставить Салават.

— Зачем ей тебя убирать? Этой змеюке пока ты нужен, а мы ей помеха! — Лилия металась по большой кухне, глаза ее зловеще поблескивали. В такие минуты она становится похожей на темпераментных мексиканок из телесериалов. — План ее совершенно ясен: сперва с помощью магии она убьет меня, затем займет мое место и изведет наших детей...

Салават поперхнулся чаем:

— Уймись, что за бред ты несешь?!

— Пойми, наконец, скоро и ты не будешь нужен этой шлюхе! Вот приберет к рукам нашу элитную квартиру, дачу, магазины, потом и тебя устранил колдовством! Неужели ты не можешь осознать, что только из-за приворота бегаешь за ней, как кобель за течной сукой...

— Чего ты городишь? Какое колдовство?! Глупыми сказками мне голову морочишь! — вышел из себя Салават.

Жена вынула из кармана халата бумажные обрывки:

— По-твоему, это тоже сказки? Вот, наклеили на двери всех подъездов нашего дома. Послушай, что пишут: сделаю приворот любимому, отворот постылому, недорого... — Она бросила бумажку на стол и стала читать следующую: — Наведу порчу на ваших врагов, уберу насланную на вас. Предсказываю, результат гарантирован. Профессиональная колдунья в седьмом поколении. — Лилия ткнула дрожащим от злости пальцем в стопку газет. — Тут тоже полным-полно объявлений с предложениями таких услуг. Зайди в любой книжный магазин, загляни в газетный киоск — везде продаются брошюры о черной, красной и даже белой магии. Весь мир заполнили ворожеи и колдуны, а ты не замечаешь...

— Да это же старушечьи сказки!

— Приворотом тебе мозги отшибли, а ты все еще не веришь, дуралей?

— Сама ты дура! Приворот, колдовство... У тебя явно крыша съехала! — выкрикнул Салават и тут же схватился за живот: резко закололо с обоих боков. Спустя несколько минут боль обострилась.

— Где болит? — спросила Лилия, внимательно наблюдая за мужем.

— Ох-х, вот тут... — Салават приложил ладони к животу.

— Значит, почки! — заявила жена, злорадно улыбаясь. — Говори правду: где сегодня обедал?

— Ох-х, в кафе, — выдавил Салават сквозь зубы. — Домой уже и не тянет, каждый день скандалишь без причины, ох-х...

— Не ври, ты не в кафе был! Значит, эта подстилка напоила тебя каким-то зельем — вот и болят почки!

— Ох-х, нет... в кафе, ох-х, — стонал Салават.

— Раз не умеешь, не обманывай: любая твоя ложь и слепому видна...

— Сказал же, ох-х...

— Поклянись хлебом, что не обедал у любовницы! — Жена всучила ему сухарик и грозно уставилась в глаза.

— Уйди отсюда, ты доконаешь меня глупыми допросами, ых-х...

— Не я, а путанка твоя доведет тебя до ручки! — Лилия быстро достала откуда-то тоненькую брошюру, нашла нужное место. — Вот, слушай, что тут написано: передозировка приворотного зелья вызывает почечные колики. Понял теперь, из-за чего заболел?

— Уйди, не болтай, ох-х... — Салават со стоном метался по квартире.

— Выкладывай, с кем путаешься? Я эту суку все равно найду и глаза выцарапаю!

Не выдержав жуткой боли, Салават в сердцах закричал:

— Да ты палач! Настоящий палач! Видишь, в каком я состоянии, а продолжаешь мучить бредовыми допросами! Ох-х, не могу...

Будто того и ждала, Лилия завопила дурным голосом:

— А моих мучений ты не замечаешь? Я уже почернела от горя! Из-за этой напасти света белого не вижу! Когда нет согласия в доме, ничто не радует... — Лилия громко завывала, по обыкновению, без слез. — У-у, подлая душа! Бык племенной! Кобель ненасытный! Предатель! Проститут! Спишь и видишь, как меня добить и молодую взять! Вот умру — узнаешь мне цену! Будешь в ясный день со свечой искать — а меня не будет!..

Боль стала нестерпимой: будто в почки непрерывно втыкали иглы. Да и скандал вконец вывел из себя. Салават взревел раненым зверем:

— Хватит! Достала уже! Мне обрыдли твои разборки! — Не умирать же, в самом деле.

Он схватил телефонную трубку, вызвал скорую помощь.

* * *

Салавата продержали в больнице несколько дней, однако причину колик так и не выяснили. И он всерьез задумался над тем, что говорила жена. Десятки раз прокрутив в голове слова жены о привороте, подумал: может быть, Лилия права? Попробовал отогнать нехорошую мысль: мол, откуда столь юной Зульфие ведать

про ворожбу... Но тут же вспомнил про навязчивые объявления, наклеенные всюду, рекламные листовки, брошюры, книги. Конечно же, Зульфия не могла не видеть так и лезущую в глаза рекламу. Вдруг и вправду могла позвонить по телефону и пойти к колдунье... Она же безбашенная.

Было дело, Салават нанял двух преподавателей, кандидатов наук, для подготовки Зульфии к поступлению в институт. Дескать, пусть времени зря не теряет, получает высшее образование. И что она выкинула на экзамене? Написала такое сочинение об Онегине и Татьяне... Мол, как Татьяна — Онегина, Зульфия безумно любит Салавата, и рано или поздно он будет принадлежать только ей...

Салават решил поговорить с Зульфией начистоту. Глядя прямо в глаза, спросил:

— Признайся честно: это ты напоила меня приворотным зельем?

Странно, но неожиданный и несколько чудной вопрос не вызвал никакой реакции. Зульфия не удивилась, не рассердилась, не обиделась, даже ухом не повела. Лишь ограничилась кратким «нет».

Салават продолжил:

— В больницу я попал после того, как пообедал у тебя. А почечные колики обычно бывают, если переборщить с приворотом. Скажи правду, ты подсыпала мне в пищу какое-то зелье?

— Нет.

Салават начал сердиться:

— Ты пойми, привораживание — колдовство и строго карается Аллахом. Пока не поздно, сознайся: ты сделала мне приворот, не зная, что это грех?

— Нет, — повторила Зульфия.

Скупость ее ответов возмутила Салавата:

— Точно нет?

— Нет.

Салават всерьез разозлился. Он совсем иначе представлял себе объяснение в столь серьезном вопросе: думал, Зульфия будет горько плакать и каяться. Мол, только из-за любви к нему она пошла на такой шаг. Салават прижмет ее к груди, утешит... А потом с помощью щедрой милостыни и благих деяний они избавятся от тяжкого греха. Если б хоть отвечала по-человечески. А то заладила как робот: «нет» да «нет».

— Ну если «нет», повторяй за мной: валлахи-билляхи, клянусь — не делала тебе никакого приворота! Ну же!

Зульфия сидела, будто воды в рот набрав.

— Почему молчишь? Язык проглотила? Давай же, повторяй за мной!

Как ни старался, Салават так и не смог заставить Зульфию побожиться.

Домой вернулся как в воду опущенный. Почему-то Лилия сегодня не встретила руганью и проклятьями. Посидела рядом с унылым видом, помолчала, потом тяжело вздохнув, тихо вымолвила:

— Умру я, наверное... Изведет меня твоя любовница. Когда помру, убереги детей от ее колдовства...

— Сколько можно тебе твердить: нет у меня никакой любовницы!

— Не обма-а-анывай! — протянула Лилия и жалобным голосом повторила: — Умру скоро...

Стиснув зубы, Салават смолчал. Как же эта баба ему надоела, допекла, осточертела, опротивела! Уже восемнадцать лет выносит ему мозги суеверием. То ей сруб приснится, то во сне в бане помоеется, то покойник за собой поведет. Расскажет дурной сон и талдычит одно и то же: умру, наверное. Всю душу ему измотала дурными предчувствиями. Прежде он, веря ее словам, дюже сокрушался. А сейчас пообвык, особо не тревожится.

Хоть и часто хворала Лилия, но в поликлиники не ходила. Пожалуется, что болит голова, живот или сердце, свернется калачиком и лежит.

Однажды мать Салавата Азнабика глядела-глядела на сноху и в сердцах выпалила:

— Эх, невестушка, болееешь без конца, что ж нам с тобой делать?

А он защитил:

— Мама, зачем же так? Лилия действительно болеет!

Мать усмехнулась и засыпала вопросами:

— И чем же? Воспалением хитрости? Если нет, то почему в больницу не идет?

— Не знаю. Разве не видишь, нездоровится ей!

— Вижу, очень хорошо вижу: здорова твоя женушка, просто хитрит, работать не хочет! — припечатала мать, известная прямолинейным, но незлопамятным нравом.

— Прекрати, мама, не обижай Лилию понапрасну!

— Эх, сынок, уж слишком ты наивный! Как же жить-поживать да добра наживать с такой хитровкой и лентяйкой? Ума не приложу. Сядет тебе на шею, свесит ноги и будет всю жизнь вокруг пальца водить.

Родной брат Лилии, Мансур, беспокоясь за сестренку, привез ей заговоренное ягодное варенье от знахаря. Велел принимать с чаем. Но Лилия не притрунулась, побрезговала.

Из-за слабого здоровья Лилия нигде толком не работала. Салават не настаивал, наоборот, заявил: сиди дома, готовь пищу и занимайся детьми. А готовит она вкусно. И в рукоделии мастерица. За детьми ухаживала хорошо, только в детские сады и кружки не водила. Если болели, и в больницу не обращалась. Лечила сама какими-то травами.

С самого начала бизнес Салават оформил на жену, чтоб шел ей стаж. Попробовал возложить на нее бухгалтерию. Не тут-то было: Лилия за магазинами присматривала из рук вон плохо, предпочитая зорко следить за супругом.

Настоящая домашняя клуша Лилия, курица-наседка. После рождения детей потеряла передние зубы. Салават несколько лет не мог заставить ее сходить в стоматологию. Пытаясь скрыть беззубость, на людях она так криво улыбалась, что выглядела жалкой и нелепой. А Салават готов был провалиться под землю от стыда.

— Не слышишь разве, говорю же, помру скоро... — прервала невеселые мысли мужа Лилия.

— Опять дурной сон приснился?

— Нет, не во сне, а наяву смерть к себе зовет: вижу веревку — хочу повеситься, моюсь в ванной — тянет вены перерезать, выйду на улицу — так и хочется под машину броситься...

В душу Салавата закрались сомнения, он обеспокоенно взгляделся в вымотанную за последние дни жену:

— Измучилась?

— Да, худо мне, Салават. Твоя любовница меня на смерть заколдовала. Если ничего не предпримешь — жди моей кончины...

— Да сколько уже повторять: нет у меня любовницы!

— Не умеешь врать — лучше не ври.

Что делать? Слова Лилии всерьез встревожили Салавата. Если вдруг и впрямь возьмет да помрет, как один с тремя детьми управится? Нет, он не желает Лилии смерти. Пусть и жена, и любовница будут живы-здоровы. Только каждая должна знать свое место и уживаться с другой. Они обе нужны и дороги Салавату.

Поломав голову, он внезапно вспомнил: знакомый предприниматель хвастался, что приехала к нему из Узбекистана тетка-экстрасенс и так очистила энергетически, что семейный бизнес пошел как по маслу. Надо немедленно везти Лилию к этой знахарке. Если и вправду ее околдовали — во что бы то ни стало надо спасти женщину.

Салават решил разом поймать двух зайцев: показать экстрасенсу обеих женщин. Конечно же, взглянув на Зульфью, ворожея наверняка определит, заколдовала она Лилию или нет...

На следующий день он быстро отыскал экстрасенса — словоохотливую женщину лет пятидесяти по имени Фира, объяснил ситуацию, и они поехали на съемную квартиру.

— Ну, миленькая, вспомни-ка самые радостные мгновения своей жизни: расслабь руки-ноги и все тело, — сказала она Зульфие, многозначительно улыбаясь.

Зульфия ответила ей насмешливой ухмылкой.

Прищурившись, экстрасенс внимательно взгляделась в нее:

— Так-так, здоровье у тебя отменное, состояние души тоже нормальное. Ну да, мучает тебя одна задумка, сама знаешь... — Она повернулась к Салавату. — По правде говоря, тут и смотреть нечего.

Салават заплатил экстрасенсу и повез к себе домой. По пути попытался получить ответы на мучающие его вопросы, но женщина ничего вразумительного не сказала, ограничилась невнятными общими словами. Лишь в конце разговора обронила:

— Будьте с ней осторожнее, она опасна...

Салават напрягся:

— В каком смысле?

— Старайтесь не злить, проклясть может.

Слова ведуньи растревожили Салавата. Если две бабы начнут проклинать с двух сторон — не пропадет ли его головушка? Честно говоря, он уже давно понял, что оказался меж двух огней. Но сколько еще выдюжит сердце? Тяжкая, оказывается, доля — сгорать в пламени двух сердец...

Осмотрев Лилию, экстрасенс убежденно заявила:

— Ай-ай-ай, плохи твои дела, милая: на голове — черный-пречерный казан, руки твои связаны арканом в руку толщиной, на ногах — белые тапочки...

И Лилия, и Салават оторопели. Слова знахарки, особенно про белые тапочки, ударили как обухом по голове.

— Как это понять, апай? — с трудом выдавила из себя побледневшая жена.

— А очень просто: чтоб голова не работала, не получала энергию из космоса — надели на нее черный энергетический казан, чтоб ничего не могла предпринять — связали руки толстым арканом. А смысл белых тапок и сама, небось, понимаешь... — Экстрасенс вдруг заорала истошным голосом: — А видал я тебя в гробу да в белых тапочках! Слышала небось такие слова? Эти белые тапочки... уже надели на тебя, милая.

На краткий миг установилась давящая тишина. Наконец Салават стряхнул с себя оцепенение и взмолился:

— Спасите, пожалуйста, мою жену, ничего не пожелаю, хорошо заплачу...

Немного помолчав, дама экстрасенс дала согласие.

— Придется тяжко потрудиться, но постараюсь. — Она зыркнула на Лилию. — Скажи спасибо мужу! Кабы он не привел меня, скоро бы уже с жизнью распрощалась. Недолго уже оставалось... — Женщина привычно сощурилась и смерила ее взглядом. — Всего с месяц пожила бы.

— Очень прошу, спасите ее, Фира-апай! — Салават с мольбой в голосе повторил просьбу.

— Сейчас... — Экстрасенс вперилась в Лилию прищуренными глазами. — Чуешь, как обжигаю тебе спиной своей энергией?

— Ка-кажется, да, то жарко, то холодно... — едва выговорила Лилия дрожащим голосом.

— Убрала аркан, чувствуешь легкость в руках?

— Вроде бы да...

— А сейчас скину с твоей головы черный казан, это потруднее будет... Ого-го, не снимается, зараза, крепко насадили! Ничего-ничего, много я повидала таких казанков! Я тебя хитростью возьму... — Ворожея то щурилась, то зло тарачила глаза, беспрестанно размахивала руками. Наконец торжествующе заорала. — О-о-о-о-о! Оп-па! Сбросила-таки! Полегчало голове?

— Да-а...

— А теперь, милая, надо содрать с ног твоих белые тапки. Уф-ф, устала я только... Ничего-ничего, я вас все равно выдерну, белые тапочки! Давай-ка, начали, сядь поближе, вытяни ко мне ноги! Ы-ы-ы! Давай помогай, мысленно постарайся избавиться от проклятых белых тапочек! Давай, давай! Ну! Раз-два, сняли! Еще раз: раз-два, сняли! Оп-па! Получилось-таки, сняли белые тапочки! Я их в форточку выкинула. Уф-ф, аж вспотела вся! — Экстрасенс вытерла лицо носовым платком. — Все получилось, милая, теперь будешь жить...

Салават был озадачен. Даже не знал, верить все-му этому или нет. Но страх потерять жену сделал свое: когда грозил смерть матери твоих детей, с которой прожил восемнадцать лет, на что угодно пойдешь...

Сердечно поблагодарив даму-экстрасенса, Салават вручил ей щедрую сумму и велел шоферу отвезти ее. Проводив знахарку, вздохнул с облегчением: слава Всевышнему, вызволил-таки жену из когтей смерти...

¹ Обращение к старшей по возрасту женщине (башк.).

Продолжение следует.